

Я

нварское утро. Мрак и вихорь. По едва угадываемой дороге (по местному — шлях), спотыкаясь, бредет молодой человек. В одной руке небольшой чемоданчик, в другой железная клюка, которой он, будто слепой, ощупывает путь. На голове кроличий треух. Осеннее пальто подпоясано обрезками махрового полотенца, раструбы ботинок и брюки стянуты такими же обрезками.

Это не бездомный и не тать. Это студент, прибывший издалека в районный городок Центрального Черноземья, чтобы оттуда добраться на автобусе до дома на зимние каникулы. Планы спутал буран. Шлях до хутора, с рождения не знавшего асфальта, занесло. На автобус надежд не было, и студент принял решение осилить 50-километровый буранный путь пешком. Дальше — отчаяние заблудившегося путника, встреча среди буранного поля с уголовником, погоня, вновь потеря шляха.

Такова канва повести «Оберег от одиночества» — основы книги Алексея Манаева «Час печали, год любви», выпущенной московским издательством «Эдитус»¹. Сейчас авторы закручивают сюжеты и позабористей, а этот, снежной эпопеей чем-то перекликающийся с пуш-

---

¹ Алексей Манаев. «Час печали, год любви». М.: «Эдитус», 2019.

кинскими «Капитанской дочкой» и «Метелью», в современных литературных сюжетах, пожалуй, почти не встречается.

Но повесть примечательна не тем, конечно, что напоминает о давних «наезженных путях». Буранное путешествие — внешняя сторона повествования. Быстро выясняется, что повседневная жизнь путника по сути тот же непроезжий буранный шлях, где каждый шаг — риск. Наивная юношеская натура, спотыкаясь и падая на кочках деревенской жизни и деревенских представлений о ней, упорно пытается устоять на ногах, не заблудиться в лабиринтах судьбы — судьбы сельского паренька из глубинного хутора. Именно эта сюжетная линия и становится в повествовании главной. Надобно заметить, что действие происходит в пору, когда страна была на подъеме: первый полет человека в космос, впечатляющие научные открытия и технические проекты, новые предприятия-гиганты. Но, оказывается, что во время всесоюзного ликования была еще и сельская, а в нашем случае хуторская, жизнь, которую технический и социальный прогресс старательно обходил стороной, оставив ее в далеком послевоенном прошлом.

Возникли коллизии просто невероятные. Вот лишь одна из них. Чтобы не замерзнуть зимой, надо вырастить тонны три (а лучше больше) картошки, добыть грузовую машину, отвезти клубни в Донбасс, продать на рынке, а на вырученные деньги (других не было) купить угля. Но и это — часть дела. Потому как без дров антрацит не разжечь. А их в степной местности раздобыть не всегда удавалось. Выручала бабушка героя повествования, которая жила с сыном, плотником и столяром: «Наши вечерние визиты для нее были условным сигналом: мы мерзнем. К ним она готовилась заранее и всегда, провожая нас, совала маме газетный сверток:

— На, Настенька, тут с десяток полешек. Закончатся, еще придете.

Маяковский дарил любимым морковку. Бабушка нам — отходы от сто-

лярки. И этот подарок был самым желанным. Мы приходили домой, раскрывали сверток и, прежде чем развести «костер» в печке для угля, буквально обнюхивали каждое полешко, наслаждаясь сосновым или дубовым ароматом».

В пору хрущевских экспериментов над селом общественное и личное хозяйство сошлись в невидимой жесткой схватке, и личное, естественно, всякий раз оказываясь в незавидном положении, ужималось. Оно бы и хорошо, если бы общественное приносило дивиденды. Да в том-то и беда, что почти не приносило, не ставя изматывающий ручной труд сельского жителя и в грош. Выручало личное подворье. Деревенская жизнь состояла из сплошных дефицитов. Дефицит топлива, кормов для того же личного подворья, бездорожье, керосиновые лампы вместо лампочек электрических — все это никого не радовало. От этих неудобств, конечно, страдало все село. Но больше всего — хуторяне, где жизнь держалась буквально на волоске энтузиазма. Уж если прогресс пригородные села обходил, то затерянный в степи хуторок — и подавно.

На бумаге, в политических лозунгах грань между городом и деревней таяла, будто снежные наметы дружной весной. Бежали, воркуя, веселые ручьи отчетов, с высоких трибун соловьями заливались политики. На деле все оказывалось куда прозаичнее, сложнее и даже драматичней. Государство по-прежнему решало все проблемы за счет селян (других источников не было). Селу если что и доставалось, то немного и в последнюю очередь. Чтобы не допустить массового исхода людей в города, паспортизацию сельской местности откладывали на лучшие времена. Ей-богу, крепостным правом попахивало.

Печать «не нашего» проявлялась зримо. Герой повести приехал в город, республиканский центр, чтобы держать экзамены в университет. Вместо паспорта протягивает администратору гостиницы справку — листок в клеточку из школьной тетради. Дальше читаем:

«Девушка, поверте листок в руках, и улыбка сказала:

— Да-а-а... редкий документ. Вас буд-то специально замаскировали. Слушайте, а вы часом не агент вражеской разведки?

— Закордонным агентам выдают подлинники. Колхозным вот такие, в клеточку. Чтобы все знали — не свой, — отшутился я».

Удивительное ли, что, заявляя о нежелании оставлять хутор, юноша все-таки покидает его, выбрав профессию отнюдь не сельскую? Выбор сопровождался болезненной душевной ломкой. Кажется даже, что университетский город он подспудно выбрал дальний, чтобы труднее было вернуться домой. Но, сдав вступительные экзамены в университет, до срока, до решения экзаменационной комиссии уехал восвояси. Хорошо, что эта комиссия была милостива к капризному абитуриенту, зачислив в студенческое братство.

Спешный отъезд на зимние каникулы после первой экзаменационной сессии тоже выглядит побегом. Внешний повод к тому был. Тройка на одном из экзаменов перечеркнула надежду на стипендию, а значит — на дальнейшую учебу. Съемный угол в квартире полуподвального типа без окон и тепла тоже радости не приносил. Но был и психологический повод — постоянное внутренне напряжение, обусловленное конфликтом между деревенскими представлениями о городской жизни и реальным ее внутренним наполнением, рождавшим то комические, то драматические ситуации. В результате деревенская ущербная обыденность еще раз взяла верх над городом. Да, там, в деревне, трудно. Да, вчерашний век. Но там правила игры знакомы с пеленок. Оттуда звучал и звучал зов предков. Там тебя прямо или косвенно, как могли, подстраховывали родные и близкие.

Оказались среди них и встреченные случайно в беспокойном жизненном море люди: милицейский начальник, с помощью которого наш студент получил-таки без очереди возжеланный пас-

порт, студенты-попутчики, предложившие помощь в подработке, водитель автобуса, по доброй воле снарядивший юношу в опасный буранный путь и предлагавший переждать ненастье у него дома. Все они оставили отметины в душе. Но не такие глубокие, как хуторяне. К ним и стремился. К матушке, которая могла по молодости в летнюю пору за световой день сходить на городской рынок, чтобы купить там курочку, и вернуться обратно (а это почти сто верст). С нее, курочки, начинали «богатеть» в полностью разграбленной фашистами послевоенной деревне. К учителям, к одноклассникам.

Автор не идеализирует хуторян. Присмотримся к дядьке юноши. Он был на фронте и сидел за кражу. Отбывал срок не где-нибудь, а на Новой Земле, готовя полигон к атомным испытаниям. Он каждый день спорится с женой, но в то же время когда-то из-за любви к ней, молодой, цветущей девушке, оказался за решеткой. Он мастер на все руки и запойно пьющий человек. Он податлив, как пластилин, и одновременно тверд, как алмаз. Вспомним: наш персонаж построил небольшую мастерскую, которую «можно было принять за выставку столярных инструментов: на стенах висели мудреных названий рубанки метровой величины и совсем крохотные, долота, стамески, деревянные лучковые пилы и еще великое множество приспособлений для обработки дерева. Все сделал сам — щепетильно подбирая материал и с усердием подгоняя каждую деталь.

Когда в хуторе (намного позже, чем в селах) появилось электричество, по собственному разумению сладил универсальный столярный станок. Настенная коллекция инструментов оказалась ненужной. Знатико ее сватали. Были гонцы даже из столицы. Предлагали большие деньги. Дядя, в деньги влюбчивый, в этом случае становился резким и непреклонным. Говорил обозленно:

— Это моя душа. А она не продается ни ангелу, ни черту, ни дьяволу. Уходи, мил человек, подобру-поздорову, не доводи до греха, а то обматерю.

Многомерность героев, внутренняя схватка автора с самим собой, когда разум зовет за тридевять земель, а душа остается в родных краях, подкупают больше всего. Может быть, потому, что эту схватку, эту ломку так или иначе пережило большинство нынешних горожан, выходцев из деревни 50–60 годов прошлого века.

Меня нетрудно упрекнуть в необъективности. Мол, в литавры бить не стоит: опоздал Алексей Манаев с повествованием на полвека. Оппоненты приведут массу примеров, среди которых «Урок французского» Валентина Распутина, проза других писателей-деревенщиков. Не преминут вспомнить знаменитый фильм «Приходите завтра» с незабвенной Фросей Бурлаковой.

И я бы, пожалуй, согласился с их доводами, если бы не ряд обстоятельств. Во-первых, на литературной ниве поле «деревенской» прозы нынче явно захирело. Оно сродни пашне, которая оказалась бесхозной и потому потихонечку превращается в целину, нуждающуюся в заботе. О том, что было, не грех напоминать, особенно, если это делается с душой и мастеровитостью.

Во-вторых, авторы большинства литературных трудов на деревенскую тему как бы оглядываются назад. Одни со стремлением изобличить, развенчать, вывести «на чистую воду». Другие вспоминают деревенское бытие с придыханием. Творчество для них что бинокль, который, приближая каждое минувшее событие и его участников, дает возможность детально рассмотреть их, обстоятельно ностальгируя.

Повесть «Оберег от одиночества», которая была опубликована и в журнале «Подъём», далека от обличительного ража и ностальгических леденцов. «Обличительность» — не специализация автора. Название всей книги «Час печали, год любви» об этом свидетельствует. Алексей Манаев поставил перед собой другую задачу: показать в повести, от чего, спеша, ушли, и к тому ли, тоже торопясь, пришли. Прошлое и настоящее здесь на одной сцене — в душе

автора, застигнутого буреломным ветром в столичном парке и поэтому неожиданно вспомнившего давнюю бурную эпопею.

И это третья сюжетная линия произведения. На этой сцене «было» и «стало» — тоже персонажи. По многим позициям «стало» положило соперника на лопатки — по крайней мере, там, где родился герой повествования. Сейчас абсолютно все дома, даже в хуторке, газифицированы, и не надо выпрашивать машину, чтобы отвезти картошку на рынок и обменять ее на антрацит для обогрева хаты. Не надо ходить за желанным подарком — пакетиком дров, без которых антрацит не разгорится. Не надо всеми правдами и неправдами стараться заготовить корм для буренки — тебе доставят его на дом. Не надо вымалывать паспорт: он ждет тебя в установленном срок. Интернет, телефон, радио, телевизор — к твоим услугам. Да и сама эпопея с буранным шляхом теперь, пожалуй, немыслима — асфальт и в хуторах, и на дорогах ничем не хуже городского.

Но тогда, почему отток сельского населения не только не остановлен, но даже усилился? Автор, быть может, слишком робко, выносит свой диагноз одной фразой: сельское население отлучили от земли. *«В колхозные времена земля была собственностью хуторян. Может быть, действительно формальной. Но ведь пели: и все вокруг колхозное, и все вокруг мое! Теперь так не споешь: каждая сотка не просто чужая, а чуждая. У большинства, кроме огорода, ничего. Сельский пролетариат в первозданном виде. Колхоз уже не кажется ему абсолютным злом. Ты ему с рождения был нужен, он рассчитывал на твои руки, хотя за труд платил гроши. Теперь с рождения ты вроде социальной сироты: в тебе, кроме родителей, похоже, никто и не нуждается. Колхоз сравнивают с ботинками, которые натирали ноги, потому что были неухоженными. Вместо того чтобы обиходить эти ботинки, их выбросили. Чем больше проходит вре-*

мени, тем теплей вспоминают о минувшем. Для многих оно — даже желанный гость. И проглядывается за всем этим ощущение обузы, лишних людей. В литературе позапрошлого века лишним было помещичье сословие, которое не могло найти себя в новой жизни. Теперь — деревенский люд: время как бы распало его между прошлым и будущим. И будущее простиупает не очень радужное...»

Пустые классы новеньких школ — и укор, и предзнаменование: еще чуть-чуть, и останемся без села — нашей национальной опоры, нашего фундамента. Останемся со встреченным на буранном шляху Хлыщом, который раньше сам человеком себя не считал, потому что — вор, а теперь едва ли не хозяин жизни. Останемся с Котылем, — своеобразным хуторским Квазимодо — не по внешнему виду уродца, а по нравственной энергетике.

Алексей Манаев не провоцирует, он выступает не в роли адвоката, прокурора или судьи. Он — звонарь, предупреждающий о неблагоприятии.

И вновь хочется обратиться к главному герою повествования, в роли которого — сам автор.

«...Я стоял в укритии барского флигеля, зачарованный разгулявшимся ненастьем, вернувшим меня в юность. Как давно это было! Сколько воды утекло! Уже не ласкают хуторские стежки легкую на подъем маму, бабушку, других родственников и земляков. Не торопятся на уроки в школу мои учителя. Корю себя за то, что так и

не догадался сказать им добрых слов. Тогда, в молодости, казалось, что доброта так же первозданна и естественна, как солнце, воздух, вода. А кого за них благодарить?

Живи, дыши и радуйся — все твое, все для тебя!

Только теперь понимаешь, что доброта не морской, а родниковой природы, и тебе несказанно повезло, если довелось натолкнуться на этот родничок».

Добавим, во времена Котылей и Хлыщей родничкам доброты, которую автор, следуя заветам матушки, величает оберегом от одиночества, вряд ли поздоровится. Их уже заносит мутным илом новой сельской психологии, основное мерило достоинств человека в которой — деньги.

Повесть заканчивается многозначительно.

«...Воспоминания о прошлом взбудоражили все мое существо. И я невольно задал себе коварный вопрос: пошел бы сейчас за пять десятков километров домой по пронизываемому ветром и метелью шляху?

Непрерменно пошел бы.

Только чтобы ждали...

Только чтобы было к кому идти...»

Пошел бы — куда? В ущербный деревенский мир прошлого или в мир современной деревни со всеми ее бедами? Ответ на вопрос предстоит дать каждому читателю персонально.

Это его выбор.

Выбор, которого, может статься, нет.

